

ВТОРАЯ БЕСЕДА М.С. ГОРБАЧЕВА С ГЕНЕРАЛЬНЫМ СЕКРЕТАРЕМ ИТАЛЬЯНСКОЙ КОМПАРТИИ А. НАТТОЙ

28 января 1986 года

ГОРБАЧЕВ. Вчера у нас был интересный, важный разговор, расширявший наши представления о вашей борьбе в Италии. Сегодня перейдем к анализу мира, в котором живем. Научный анализ современного мира – решающая предпосылка формулирования политики, стратегии и тактики. Уклониться от вызовов современного мира, которые нам предъявлены, мы не имеем права.

НАТТА. Начинайте Вы, Михаил Сергеевич, у Вас большие дела, на Вас – большая ответственность за судьбы мира.

ГОРБАЧЕВ. Вчера я уже сказал, что в нашем Политическом докладе съезду первая часть будет крупной по содержанию – современный мир, его тенденции и противоречия. Мы назовем доклад не отчетным, а политическим. Ведь мы будем представлять Программу – это отчет обществу за 25 лет, а не за пятилетку. И одновременно это будет взгляд в будущее – лет на тридцать вперед, если не больше. Конечно, в этом плане речь может идти только о тенденциях, а не о конкретных задачах. Будем утверждать новый Устав партии. Да и экономическая часть съезда рассчитана не на пятилетку только, а на период в пятнадцать лет. То есть мы выходим за рамки только пятилетних планов.

Наш ключевой вывод в оценке современного мира – мир находится на переломном этапе. Это касается всех сфер жизни. Это затрагивает и социализм, и капитализм, и развивающийся мир. Общий момент – научно-техническая революция охватила все эти части мира. С этой точки зрения очень важно видеть, как преломляются требования научно-технической революции во всех секторах мира, в конкретных социальных условиях, существующих там, какие проблемы возникают. Хотим дать свой анализ, высказать нашу точку зрения на этот счет.

Научно-техническая революция еще больше обострит противоречия капиталистического мира, буквально обнажит их. Сейчас мы можем видеть, что капитализм маневрирует. Его гениальное изобретение – транснациональные компании – сильно его выручает. За этот счет капитализм может сглаживать классовые противоречия в своих метрополиях (при всех сложностях этой операции). За этот счет поддерживается определенный уровень благосостояния масс, что, естественно, не исключает социальных контрастов.

Особое внимание уделяем американскому капитализму, его функционированию. Ежегодно он, благодаря неэквивалентному обмену, извлекает миллиарды долларов, наживаясь на дешевом сырье и рабочей силе развивающихся стран. На предприятиях США вне самой их территории общее число рабочих равно примерно 40 процентам рабочей силы в самих США. Прибыли там в четыре-пять раз больше, чем вложенный капитал. А в Центральной Америке – в восемь раз. Треть национального дохода США обеспечивается за счет этих средств. Кстати, тут и источник бесконечных локальных конфликтов в этом регионе. Далее, за счет высоких учетных ставок США выкачивают деньги и из Европы. Впрочем, и другие страны, в том числе в Европе, используют этот метод накопления капитала у себя. Все это мы должны осмыслить.

Все эти вопросы стучатся в дверь. Ведь некоторые страны уже не могут платить не только долги, но и проценты по ним. Фидель Кастро высказался по этому поводу предельно ясно. И социалистическим странам тоже надо посмотреть – ведь они покупают сырье по ценам, навязанным капитализмом. Хотя социализм и не несет ответственности за нынешние порядки, думать надо и ему.

Научно-техническая революция открывает огромные возможности. Но в разных странах она имеет различные последствия. Это ключевой вопрос. Для нас он стоит так: как сочетать социализм с научно-технической революцией? Социалистическая система позволяет направить плоды этой

революции на пользу трудящимся. Но для этого нужны усилия. Они могут многое дать простым людям.

Бывая на Западе, мы стремимся посещать капиталистические предприятия. Я лично четыре года назад был на автозаводе. (*Имеется в виду посещение предприятия «Остин-ривер» – одной из старейших компаний Англии «Бритиш Лейланд» – во время визита М.С. Горбачева в Великобританию в декабре 1984 года.*) Тогда там было 200 тысяч рабочих, сейчас – 100 тысяч. Вот что дала реконструкция. Но это – капиталистический способ решения проблем – обходится без планомерного создания новых рабочих мест, без заботы о сохранении уровня жизни людей.

Если говорить о маневрах капитализма, следует добавить, что и милитаризм – один из спасательных кругов, за которые он держится. Еще один такой спасательный круг – наступление на профсоюзы, на социальное законодательство, на права рабочих. И тут не останавливаются перед крайними методами.

Осмысление этого исходного момента имеет огромное значение. **Все происходящее имеет переломный характер.** Но куда пойдут события? Ответ на вопрос – за революционными силами. Для нас, для социализма ответ в структурной перестройке для усвоения научно-технической революции, включения ее достижений в интересах экономического подъема. Вопрос этот сложен – ведь надо менять структуру производства, квалификацию людей, их психологию.

Наша концепция социально-экономического ускорения основана на марксистском анализе. Это – попытка ответить на новые требования времени, на новые условия мирового развития.

Другой аспект проблемы. Научно-техническая революция означает, что человек создал оружие, способное уничтожить все живое на Земле. Это ситуация, которая требует менять мышление, подходы к решению проблем, менять политику мирового сообщества.

Может быть, мир никогда еще не был так взаимосвязан, как сейчас. Мы стоим перед альтернативой: или – или. Или мир, поиск таких международных отношений, которые отвечали бы интересам всех государств, или ставка на военную силу, что может привести к применению ядерного оружия. У нас разработка этих проблем заняла немало времени. Итоги этой разработки лежат в основе всех последних советских инициатив. Мы глубоко убеждены в том, что новому миру, новому этапу развития нужны новое мышление и соответствующая ему внешняя политика, новый характер международных отношений.

До сих пор и американский империализм, и капитализм других стран преследуют свои узкие интересы. Но **мир таков: более 150 государств – и капиталистических, и развивающихся, и социалистических – все имеют собственные интересы.** Думать, что мир может быть прочным и неделимым, если кто-то будет преследовать только свои собственные интересы, – нереально. Интересы есть у всех. И, естественно, они сталкиваются, перекрещиваются. Нельзя надеяться, что мир будет прочным, если изолировать какой-то его сектор. **Принципы мирного сосуществования никогда еще не были столь актуальными.** Каждый народ избирает свой путь, и никто не может ему в этом отказать. Такова наша принципиальная позиция. Свобода выбора.

Мы изложили эту позицию Рональду Рейгану в Женеве, когда речь зашла о региональных конфликтах. Мы признаем право и на политический, и на социально-экономический выбор пути. Выбор этот – дело каждого народа. Если не признавать этого – трудно представить себе, как строить международные отношения. Мы на стороне всех тех, кто решает свои судьбы, кто ищет свой путь. Может быть, их выбор не совпадает с нашим или вашим. Но это их выбор, который надо уважать. В этом вопросе наша политика предвидима и предсказуема.

Этими соображениями объясняется наша позиция в отношении Никарагуа, Афганистана. В этом последнем случае решительная акция была

предпринята после того, как афганцы десять раз обращались к нам с просьбой о военной помощи. Решение далось непросто. Но Ганди спрашивал меня: если бы на вашей границе афганская революция потерпела поражение, на что могли бы рассчитывать другие народы?

Понимаю, конечно, что военная акция – крайнее средство. Мы были вынуждены ее предпринять. Учитывали, в частности, что империализм хочет заменить выпавший Иран, создав плацдарм в Афганистане, Пакистане, что протяженность нашей границы с Афганистаном 2500 километров. Но при всем том должен ясно сказать: никаких экспансионистских планов вроде выхода к теплым морям не было у нас и нет. Сейчас мы ищем политическое решение проблем вокруг Афганистана.

В свою очередь афганские друзья принимают крупные меры по расширению социальной базы власти, оказывают поддержку разным секторам экономики, торговцам, крестьянам, племенным организациям. Не забывают и духовное сословие. Представители этих групп введены (более ста человек) в правительство, в революционные советы. Сам режим еще только формируется, но не как диктатура пролетариата, а как национально-демократическая власть. Сейчас афганское руководство обратилось к нам за содействием, чтобы организовать поездку в страну западных корреспондентов. Хотят представить им реальную картину положения дел.

Это все я хотел пояснить, прояснить наши подходы. На съезде мы подтвердим мысль Ленина о невозможности экспорта революции. Ведь если внутри страны для революции нет базы, извне ничего сделать нельзя. Подталкивать революции недопустимо, как и экспортировать их. Но недопустим и экспорт контрреволюции.

Теперь о вопросах войны и мира. В стратегическом плане наша политика не меняется. Корни ее уходят в ленинский Декрет о мире. В истории были, конечно, разные ситуации. У нашей политики были и промахи, ошибки. Но главное – свою приверженность миру – мы подтвердили всей своей деятельностью. Убеждать нас в пользу мира – нас, которые положили двадцать

миллионов жизней, чтобы не допустить фашистского варварства, – не надо. Если бы кто-то у нас предложил иную политику, то его сразу же предложили бы освободить от его обязанностей.

Война все у нас разрушила, мы сами восстановили, подняли страну. **Это тоже относится к числу преимуществ социализма.** Маргret Тэтчер пыталась поставить под сомнение наш социализм. Я ей ответил: не хочу вас переубеждать, но я-то убежденный. Наш народ выбрал социализм. **Социализм – это теперь уже не принципы только, но опыт истории. На нашем пути были ошибки, очень крупные, но мы сами их выправили.**

Итак, мы коренным образом заинтересованы в мире. С другой стороны, мы видим, что ядерное оружие выползает в космос. Если это случится, будет хаос. В беседе с Рейганом я говорил ему: представим себе, что оружие уже в космосе. Несколько разных элементов, связанных с компьютером. Но там – и наша техника, и техника других стран. Вдруг, случайно, происходит столкновение двух объектов. Что же, война? Ответа не услышал.

Американцы грешат мессианством. Отсюда – и головокружительные планы. С другой стороны – военно-промышленный комплекс, ему нужны все новые и новые заказы. Дискуссии с Рейганом шли трудно. Результаты их я не хочу переоценивать, но движение воды началось. Сейчас надо сделать все, чтобы заняться разоружением. Хотя еще пять-десять лет будет, наверное, трудно прийти к каким-то результатам.

На Западе распространилось безответственное отношение к этим проблемам. Говорят (и думают) так: ядерное оружие существует уже столько лет, но войны ведь нет. Ничего и не будет. Это – безответственно! Нет желания мыслить по-новому. Мы убеждены: надо сохранить мир, пусть все живут, и пусть каждая система доказывает, на что она способна. Мы на деле хотим сдвинуть проблему с мертвой точки. При этом нам невыгодно проводить такую политику, которая ставила бы, например, США, другие страны в невыгодное положение. В этих вопросах всякое жульничество, попытки переиграть другую сторону недопустимы. Отсюда – наши односторонние

меры. Прежде всего – мораторий. Ядерное оружие ведь со временем стареет. Если прекратить испытания, тем самым будет прекращен и процесс его совершенствования. Это будет шаг к его ликвидации. Этую проблему надо заострить перед всем миром.

Мы подготовили и новые предложения по химическому оружию. Скоро внесем их на переговоры в Стокгольме. Надеемся на быстрый прогресс. Запад говорит о своем беспокойстве в связи с обычными вооружениями. Наши предложения трактуются так, что мы, вроде бы, хотим разоружить Запад. Но мы подходим иначе. Политиканство, попытки переиграть друг друга ничего не дадут. Стало быть, нужны конкретные предложения, честные ходы, а не пропагандистские маневры.

Думаем, что важно активизировать всю нашу кампанию в борьбе за мир, за реализацию внесенной нами программы. Это тем более важно, что Запад сейчас начинает потихоньку раздумывать о том, как сформулировать ответ на эту программу. Сперва там были ошарашены. Сейчас пытаются обесценить наши предложения. Появляются аргументы типа того, что все эти предложения – иллюзия. Другое: давайте, надо еще по частям все посмотреть. То есть хотят растаскать программу по частям и сорвать ее. Но главное все же – негативное отношение к самим коренным идеям нашей программы, к самой идее поэтапного сокращения – и реального сокращения – вооружений. Если западные маневры удаются, это будет крупным ударом по борьбе за мир и предотвращение военной угрозы.

По всем этим вопросам будем советоваться с друзьями. На съезде скажем еще кое-что – пока не хотим, не все еще созрело.

Хотел бы подчеркнуть, что, конечно, большую роль в определении хода событий играет общественность. Но очень важен также и реализм западных политиков. С этой точки зрения выделю роль Италии. Замечаем, что Италия вносит ныне полезный вклад в дело снижения напряженности. Думаем, что здесь оказывается и ваше влияние на позицию правительства. Передайте вашим государственным руководителям – мы искренне хотим мира. Мы не

хотим ссорить страны Запада друг с другом. Сейчас в мире есть определенное равновесие и с этим надо считаться. Нарушать его никому не выгодно.

Вы высказали вчера интересные мысли о роли Западной Европы. То, что Вы сказали, интересно как с точки зрения борьбы коммунистов, рабочего класса, так и с точки зрения создания мирного порядка на континенте. Мы открыты для сотрудничества с европейцами. С кем пока не получается активного контакта – с Колем. Он в чем-то даже обгоняет Тэтчер. Та более осторожна. Канцлер и его окружение – самые близкие сторонники Рейгана. Мы поражены его реакцией на сорокалетие разгрома фашизма. По сути дела, он пошел навстречу реваншистам, поставил под сомнение послевоенные границы. Но так можно весь мир перевернуть. Коль сейчас обижается, маневрирует.

С Миттераном у нас идет продуктивный диалог, откровенный, реалистичный. Мы знаем – где Франция, он знает – где СССР. Обе страны остаются там, где и были. У нас понимание по вопросам войны и мира, региональных конфликтов. В связи с Афганистаном Миттеран предложил: хочу помочь решению проблемы. Спросил, как может помочь. Мы не против. Если поможем афганцам решить их проблемы, то мы уйдем оттуда. Рейгану в этой связи мы сказали: давайте решать все стороны этой проблемы в пакете: прекращение внешней интервенции, гарантии невмешательства, вывод наших войск. Он вроде бы согласился. Но когда мы официально предложили этот вариант, пакистанцы вроде бы заколебались. Видимо, США заинтересованы в том, чтобы Афганистан кровоточил, чтобы можно было наносить удары по СССР, по его престижу.

Даже в контактах с Тэтчер чувствуем – у нее есть определенный реализм. Во внутренней политике ее линия – откровенный консерватизм. Консерватизм твердый, допускающий любые формы действия. Но внутри страны протест против этой политики растет. Англичан лихорадит.

С Пальме, с Сорсой и другими социал-демократами активно обсуждаем все проблемы. (Пальме, Улоф – в 1969-1986 годах Председатель Социал-

демократической партии Швеции; Сорса, Калеви – в 1975-1987 годах Председатель Социал-демократической партии Финляндии.) Говорим о том, чтобы объединить силы, сдвинуть с места процесс переговоров. Какие у Вас суждения по этому поводу? Рассчитываем на вклад вашей партии в этом плане.

В этом, сложном нынешнем мире действует международное коммунистическое движение. Его затрагивает буквально все, в том числе, конечно, и проблема войны и мира. Согласны с Вами в том, что движение сейчас ослаблено. Но констатируем, что и в этом положении оно остается огромной политической силой. Во многих странах коммунисты действуют активно, опираются на массы, на профсоюзы.

Согласен, что в какой-то мере слабости коммунистов имеют общие корни – они не сумели вовремя увидеть новые проблемы, осмыслить их и дать ответ на наступление правых сил. А когда этот ответ начали искать, было заметно – повсюду налицо элементы импровизации. Думается, принципиально важно понимание, что поиск должен идти в рамках нашей идеологии, наших принципов, наших программных целей.

Мы понимаем роль комдвижения. Оно вносило большой вклад в общественное развитие и должно впредь вносить не меньший вклад. Убеждены, что иной подход не может обеспечить разработку верной стратегии и тактики. Естественно, нельзя исключать различные союзы, дискуссии. Напротив, сила партий, – и это показывает пример Итальянской компартии, – в союзах, в широких дискуссиях с левыми силами. Это все может лишь обогатить левое движение, а одновременно усилить и позиции партий.

Ясно, что коммунисты не могут быть вариантом социал-демократии ни в идеологическом плане, ни в плане политики. Но это, однако, не значит, что с социал-демократами не надо сотрудничать.

ПАЙЕТТА. Но социал-демократия может быть вариантом рабочего движения. Иначе непонятно, почему она почти сто лет ведет за собой массы.

ГОРБАЧЕВ. Социал-демократия и есть течение рабочего движения. Но это – не коммунистическая его часть. Ведь если отказаться от этого различия, это будет отказ от коммунизма. А где же тогда коммунистическая перспектива?

Сейчас комдвижение переживает трудности. Периоды трудностей бывали и раньше, особенно на сложных поворотах истории. Но комдвижение все равно оставалось силой. Преодолевая трудности, надо осмыслить прошлое, извлечь из него уроки, исподволь накапливать силы. Ведь коммунистическая перспектива вытекает из самого исторического процесса, и никуда ее не денешь.

Мы уже касались этой проблемы. В современных условиях требуется выработка ответа на действия консервативных сил. Ответ на действия консерваторов, однако, затянулся, был до сих пор малоэффективным. Отчасти и потому, что тенденция самодостаточности в партиях помешала выработке коллективных решений. Многие сконцентрировались на проблемах самостоятельности, независимости – и совершенно справедливо. Но я не знаю, кто у нас в движении претендует на роль вождя? У нас в партии таких нет. А у вас?

ПАЙЕТТА. Возможно. У нас столько разных...

ГОРБАЧЕВ. Шутите, конечно. Когда я беседовал с Ли Пэном (*Ли Пэн – в 1985-2002 годах член руководства Коммунистической партии Китая*), говорил ему: давайте налаживать отношения. Вижу, что движение вперед сдерживается неурегулированными отношениями между партиями. Приедете на наш съезд? Хотите – я приеду к вам. Но надо начинать этот процесс. Будем действовать спокойно, по-товарищески. Ли Пэн ответил: но Китай не может быть младшим братом. Я согласился с ним, сказал, что Китай трудно представить себе в этой роли. Не надо возвращаться к тому, что мы уже давно прошли.

Ведь даже социалистический лагерь существует уже 30-40 лет. Все выросло, сформировалось. Не все идет легко, на это есть субъективные и

объективные причины. **Чего всем нам не хватает, так это еще больше социализма.** Но отношения между всеми нами новые. Мы общаемся, обсуждаем, координируем усилия, все соцстраны экономически связаны. Но все независимы. Никаких команд не дается. И беседы наши бывают довольно острыми. Жизнь идет, проблемы возникают, даже трудные. Но это – жизнь.

Еще о самостоятельности. Мы все самостоятельные. И призваны больше подумать об объединении усилий, чтобы вместе искать ответы на общие проблемы. Внутренние проблемы должна решать каждая партия – ведь партии несут ответственность перед рабочим классом. Но общие проблемы и обсуждать надо вместе. Отсутствие сотрудничества – одна из причин того, что мы не смогли дать ответ на новую ситуацию.

Вы говорили, что в Западной Европе трудно видится выход из положения без учета всех имеющихся сил, всех левых сил в целом. Это, наверное, заслуживает самого серьезного осмысления. Знаю экономическую ситуацию – взаимозависимость в Европе очень велика. Это накладывает отпечаток на все политические процессы. Мы приветствуем самостоятельную роль Западной Европы. В беседе с Миттераном я сказал ему, что мы не можем не обращать внимания на два момента. Первый. В ходе дискуссий в Европе на первое место вышли военные вопросы. Если бы Европа пошла по пути выработки новых военных программ, где был бы существующий баланс? И, разумеется, такие действия не остались бы без реакции. Но надо ли усиливать противостояние в Европе? Второй момент – мы считали бы ошибкой, если бы ФРГ, через Европу, получила бы доступ к ядерному оружию. Это противоречило бы всем принципам.

Нас беспокоит все, что ныне происходит. Хотим, чтобы роль коммунистов была конструктивной, способствующей устраниению ядерной угрозы. **Мы убежденные сторонники принципа мирного сосуществования. Мы открыты для сотрудничества не только с друзьями, но и со всеми реалистическими силами современного мира.**

Хотелось бы надеяться (если бы не было надежды, не делали бы то, что делаем сейчас), что наши новые подходы встретят понимание в мире.

ПАЙЕТТА. Вы подчеркнули некоторые особенности политики на Западе. Надо учесть, что у некоторых политиков присутствует нечистоплотность, непонимание уроков войны. Я убежден, что опасность военная все еще существует. Но в то же время во влиятельных кругах Запада есть течения, понимающие опасность войны. Или эти круги тоже думают о вооружениях?

ГОРБАЧЕВ. Мы этот серьезный вопрос ставим перед собой. Вопрос о том, пойдет ли администрация США на сокращение вооружений, на ликвидацию своих военных баз? Вообще может ли американский империализм жить без военной машины? Больше всего данных за то, что нет, не может. Но это не должно нас останавливать. Интересы военно-промышленного комплекса противоречат не только интересам других стран, но и своей собственной страны, ее деловых кругов. Среди чисто военных кругов есть реалисты, желающие, конечно, обеспечить безопасность, но на низком уровне вооружений или как-то иначе. Но определяют политику не военные, а военно-промышленный комплекс. Начальники объединенного комитета штабов США докладывают Конгрессу: паритет есть, а промышленники говорят – нет паритета. Сложная вещь военно-промышленный комплекс. Огромная часть народа занята на его предприятиях, получают неплохие деньги. Все не просто. Хотя, конечно, сокращая чисто военные расходы, можно переориентировать немалую их часть на мирный космос. И там тоже требуются рабочие места.

И другой вопрос есть. Как может жить Америка без тех 30-40 процентов средств, которые они извлекают из Африки или Латинской Америки? Для обеспечения этих денег нужны механизмы, нужны корабли и легионеры. Однако видеть надо не одну только сторону, а обе. А как будет жить Африка и Латинская Америка?

НАТТА. И мы считаем, что мир находится на переходном этапе, на этапе изменений. Несомненно, существует глубокая взаимозависимость.

ГОРБАЧЕВ. Идет процесс интернационализации.

НАТТА. Да, мир – это не просто два лагеря. Он представляет собой более единую реальность, но вместе с тем более расчлененную, сложную. Везде есть оттенки. Есть экономические, политические сообщества – социалистическое, европейское, есть системы военно-политических союзов (ОВД – НАТО), разнообразны и имеют разные формы связей освободившиеся от колониализма страны. Неприсоединение – важный феномен. Дифференциация мира глубока. И одно из ее проявлений – возникающие войны.

В этой реальности доминирует как новое явление современная научно-техническая революция. Это касается всего мира. И требует высокой ответственности. Мы убеждены, что прогресс науки и техники сам по себе не является социальным прогрессом, социальным освобождением. Он может быть использован в интересах социального прогресса, но может быть использован и в совершенно противоположных целях. Он может быть орудием прогресса в руках человека, но может быть и средством нового господства и угнетения. К нашему съезду мы собираемся особо разработать вопрос о значении научно-технической революции.

Естественно, мы принимаем в расчет и другие противоречия современного мира. Война в современных условиях грозит разрушением цивилизации, уничтожением рода людского. Война качественно изменилась. Далее, различия в уровнях развития между Севером и Югом могут быть источником очень опасного конфликта. Наконец, противоречие между развитием и природой, разрушение окружающей среды. Это тоже крупная проблема. Предстоит найти решение всех этих проблем в интересах освобождения народов, освобождения Человека.

Прежде всего надо разрубить спираль гонки вооружений. Мы позитивно оцениваем ваши инициативы, направленные на возобновление диалога между

СССР и США. Вы начали политический диалог, выдвинули конкретные инициативы и предприняли конкретные действия – мораторий. Ваш нынешний проект имеет глобальное значение. Это – проект, предусматривающий определенные этапы движения к миру без ядерного оружия. Это – широкий взгляд на возможности мирового развития.

Думается, что это верный подход. Нужны активные выступления против «утешительства», против иллюзий по поводу Женевы. Такие иллюзии – это попытка замаскировать гонку вооружений. Все, со всех сторон дошли до чрезмерных усилий в деле обеспечения безопасности. Выдвигается слишком много опасных идей. Вера в возможность разоружения по Вашим идеям наталкивается на недоверие – не хватает нового образа мышления. Многие не понимают ситуации, говоря: так ведь всегда так было в истории, всегда шло соревнование в сфере оружия...

Важно не только заключить соглашение, но реально понизить уровень вооруженности и затем уничтожить оружие. Нужно добиться, чтобы обеспечение безопасности было поставлено на новую основу. Мы включились в борьбу за это. Подчеркиваем важность защиты мира. Мы за мир на базе мирного сосуществования. Надо думать о новом соотношении, новой связи между миром и социализмом. Ведь решение социальных проблем тесно связано с перспективой мира, разоружения. Нужно больше думать о коллективной безопасности, стремиться к миру без оружия.

Конечно, верно, что у каждого государства свои интересы. Согласны – надо сопоставлять интересы, вести дискуссию, не надеясь на то, что оружие все разрешит. Мы стараемся защищать интересы и потребности нашей страны.

Принцип стратегического равновесия важен. Но повышение его уровня, дальнейшее наращивание вооружений – риск, и риск все больший. Разбазаривание средств на военные цели становится аморальным, абсурдным. К тому же гонка вооружений ограничивает суверенитет многих стран, в том числе – Италии. Вы правы: вопрос сокращения военной промышленности –

тяжелая проблема, прежде всего в США, но и в других странах. Нужных решений вопроса пока нет.

Ваша нынешняя политика выходит за рамки обычной политики. Ваши действия актуальны. Это убеждающая политика: вы ведь говорите, что хотите разоружения потому, что хотите у себя сделать то-то и то-то. Видимо, ситуация в США не такая. Она, как показывает ваша оценка, не дает надежды. Следовательно, надо заставить США встать на новый путь?

ГОРБАЧЕВ. Убежден в этом.

НАТТА. Мы думаем несколько иначе. Не значит, что отрицаем роль американского военно-промышленного комплекса или этого комплекса в Европе (хотя здесь его влияние меньше, чем в США). Вчера мы говорили о том, что гонка вооружений для американцев – это способ ослабить СССР. Эта тенденция существует в реальности.

ГОРБАЧЕВ. В газетах американских этого не увидишь, но в протоколах Совета национальной безопасности – да.

ПАЙЕТТА. Но не все американцы ходят на его заседания...

ГОРБАЧЕВ. **Мы исходим из того, что переориентировать военно-промышленный комплекс США трудно, но видим, что в США есть и силы, готовые бороться против его всевластия. В том числе в Конгрессе.** Конечно, есть те, которые выражают тенденцию конфронтации. Но эта политика имеет свои лимиты, она порождает трудности в самих США. И речь идет не только о давлении пацифистов. Есть другие интересы, есть и давление других государств. Конфронтация с СССР создает для самих США определенные трудности.

Сейчас, конечно, развитие военного производства – поддержка экономики, что важно, учитывая сложности экономической ситуации. Это – база политики Рейгана, который лежит на ней, не двигаясь. С трудом он отказался от повторения слов об «империи зла», но по существу пока не изменился.

НАТТА. Поэтому мы против космических планов США, против «звездных войн». Сегодня ведь это у Рейгана главный пункт. Мы против любых космических планов – от исследований до экспериментов. Я везде повторяю это. И если вы будете вынуждены пойти на какие-то шаги в этом плане, мы тоже будем против. Космическое оружие – не оборонительное.

История щита и меча – постоянная история оружия. Переносить военное соревнование в Космос немыслимо. Надо уничтожать ядерное оружие здесь, на Земле, а не выносить его в Космос. Мы не верим в разницу между исследованиями и испытаниями. И не верим в то, что мирный прогресс связан с военными исследованиями, как иногда говорят.

Для Западной Европы космическое оружие – риск дальнейшего подчинения американцам, в том числе с точки зрения научно-технической. У Западной Европы есть свои ресурсы, исследования. Но если она начнет участвовать в американских планах, ей будет худо. В Италии правительство еще не приняло решения, колеблется. Но некоторые промышленные фирмы уже участвуют в каких-то американских разработках. С учетом этого мы высоко оценили ваши предложения. И не только мы.

Между НАТО и ОВД имеются элементы равновесия. Наше намерение: не создавать элементов разрыва контактов между Западной Европой и США, учитывать, что связи между ними реальны. Наш курс – ориентация на Западную Европу, – это не функция антиамериканской политики. Этот курс исходит из более общих целей. Мы не хотели бы снижения уровня напряженности между СССР и США в ущерб Западной Европе.

Говоря шире, мы стремимся стимулировать реалистические силы в Италии в рамках существующих союзов и Европейских сообществ. Мы не стремимся к одностороннему разрыву существующих союзов. Мы за хорошие отношения между Италией и США, как и между СССР и США. Но мы, безусловно, выступаем в защиту суверенитета своей страны, за безопасность Западной Европы. Мы за европейскую безопасность, основанную на политических факторах. За безопасность, которая вписывалась бы в разрядку

между СССР и США. Без улучшения отношений между СССР и США Западной Европе будет хуже. В частности и потому, что при плохих советско-американских отношениях в Европе крепнут силы, стремящиеся к активизации союза с США.

Курс на улучшение отношений между СССР и США при одновременном укреплении безопасности Европы на политических основах может породить не только консенсус левых сил, но более широкий европейский консенсус. Ибо это – курс в общих интересах всех.

В ходе событий на Средиземном море Италия не подчинилась США. Правительство было вынуждено отстаивать идею суверенитета. На Ближнем Востоке мы отстаиваем идею позитивного политического решения арабо-израильского конфликта. Это должно быть решение не против США или Израиля, но в интересах прав всех народов. Все, что происходило там в последнее время, вплоть до терроризма в аэропорту, – тяжелые события. Терроризм, конечно, имеет различные причины. Санкции США против Ливии, по осторожной оценке правительства Италии, не оправданы. Но важно, чтобы Ливия чуть-чуть придержала язык за зубами.

ГОРБАЧЕВ. Мы тоже даем такие советы. Но Каддафи – это тоже реальность. Если бы мы с ним не работали, было бы хуже. В данном случае он заявил: я ни при чем.

НАТТА. Итальянское правительство действует так же. Но...

ГОРБАЧЕВ. Каддафи говорит, что он тоже против терроризма. Но в то же время заявляет: против империализма все средства хороши.

РУББИ. В этом смысле он похож на Рейгана, который не видит разницы между освободительным движением и терроризмом.

НАТТА. Нам крайне интересно знать вашу позицию. В Италии говорят: надо привлечь СССР к международной конференции по Ближнему Востоку.

Теперь в целом о региональных конфликтах. Мы следуем принципиальному курсу. Независимость, самоопределение, свобода выбора экономической, политической, социальной системы. Мы против

вмешательства во внутренние дела, чем бы оно ни мотивировалось, – соображениями безопасности, поддержкой революционного или контрреволюционного процесса. Упорно выступаем за политические решения. Такой курс больше соответствует нашей идеологии, нашей политике. Он более продуктивен в современном мире, в котором идет утверждение идей социализма.

Хочу сказать откровенно: мы сохраняем нашу позицию в вопросе об Афганистане. Могу принять ваши мотивы, но считаю, что речь идет о политической ошибке. По разным причинам вы не получили ничего хорошего, но создали новые проблемы. Главное же – что сама афганская проблема не решена. И все оказываются вынуждены продолжать конфликт. В этом суть дела.

Сейчас нет нужды повторять все о прошлом. Главное – есть ли возможности политического выхода из положения. Такое решение дало бы мощный импульс решению проблем в других регионах. Это помогло бы неприсоединившимся странам, Латинской Америке и т. д. По сравнению с другими мы выступаем без особого жара. В других регионах видим больше риска. Речь и о Южной Африке, о Никарагуа, о других регионах. Но прежде всего – Ближний Восток. Опасный регион. И связанный с интересами СССР.

О Китае. Мы действовали ради улучшения отношений. И приветствуем все, что направлено на улучшение ситуации. В октябре я был в Китае. Китайцы сказали: мы серьезно изменили свою политику, ибо нуждаемся в мире. Это открывает новые возможности. Нам говорили и о политических проблемах, о трудностях в политических отношениях, о препятствиях для нормализации отношений. Шаги в этом направлении нужны. И, по нашему мнению, они были бы позитивными.

В центре политики нашей партии Европа. Мы за процессы интеграции в Европе. Это наш выбор. Мы не просто терпим этот процесс, но стараемся быть его действующими лицами. На отношения с коммунистами, с левыми силами вообще смотрим под этим, определенным углом зрения.

Мы не хотим стать социал-демократами, но констатируем: коммунистические партии усыхают. Историко-политически их опыт нельзя считать позитивным. Идеологические узы, организационные формы объединения коммунистов – это препятствия для их развития. Они мешают коммунистическому движению. Когда вы на XX съезде говорили о том, что отсутствует партия-вождь, государство-вождь, мы это приветствовали, но и размышляли о будущем. Критически размышляли об опыте Информационного бюро. О том так же, как дальше упустили возможности. Коммунистическая партия в каждой стране должна всегда иметь собственный облик, национальный характер, быть реальным движением в своей стране. И неизбежно огромное разнообразие партий, сил.

Мы не можем сказать, что компартии сегодня в авангарде. Они могут быть авангардом, если им это удастся. Прежде всего – авангардом слева, на левом фланге. Но есть и другие силы, с которыми тоже надо считаться. С кем в Европе возможно развернуть контрнаступление против империалистических сил, против США? Если не будем думать о союзах, о договоренности с другими силами, рискуем остаться пропагандистами, но не более того. Мы можем доказать, что у нас хорошие намерения, но должны иметь равноправные отношения со всеми. Если мы будем сильнее, сможем чего-то добиться. Если слабыми – ничего.

Не можем не считаться с наличием других сил. Коммунисты отнюдь не одиноки в своих странах. Если мы хотим добиться успеха, обеспечить эффективность своих действий, надо добиваться единства действий с другими. Идти по проторенной дорожке не продуктивно. Важно обновляться и стимулировать всех к обновлению, к выработке новых идей, к расширению союзов в интересах рабочего класса. Европейские сообщества – важно. Но борясь за продвижение интеграции, мы неизбежно приходим в соприкосновение или даже сталкиваемся с другими коммунистическими и социал-демократическими партиями. Здесь проблема.

ГОРБАЧЕВ. Хорошо, что мы поговорили, сопоставили взгляды на проблемы и противоречия современного мира. Хорошо, что наша встреча состоялась. Есть над чем подумать и нам, и вам. Такие встречи нужны.

НАТТА. Да, встречи между разными партиями нужны.

ПАЙЕТТА. Между партиями, которые реально существуют.

ГОРБАЧЕВ. Хочу честно сказать: мы задержались на этапе утверждения самостоятельности и независимого национального характера партий. Сделали большое дело, которое КПСС приветствует. Надо сохранять то, что завоевано. Каждая партия действует в конкретных условиях, в конкретной стране. Ответственность она несет перед своим народом, рабочим классом. За то, как действует, решает задачи.

Уроки, извлеченные нами из прошлого, даже если это и болезненный процесс, – большая школа. Не будем никому ставить оценок. Но вывод сделаем: мы понимаем значение каждой партии, ее ответственность перед народом, рабочим классом. И каждая внесла свой вклад в общее движение, прежде всего – действуя в своей стране, реализуя социалистическую перспективу. Польза встреч, обмена мнениями очевидна. И когда вы в Западной Европе собирались, даже когда встречи были непростыми, все равно они были полезны. Они дают импульс для размышлений, для внесения поправок в тактику.

Конечно, мы не единственное течение в мире. Социалистическое движение активно, оно сопоставляет взгляды, регулярно собирается и не боится, что партии проглотят друг друга. А у нас комплексы, мы боимся. Я не приглашаю вас ни восторгаться встречами социалистов, ни что-нибудь подобное. Нет, это просто размышления.

Ленин, когда он говорил о мировом хозяйстве, подчеркивал: чтобы до конца во всем разобраться, и 70 марков не хватит. Маркс дал нам инструменты познания. Сегодняшний мир, однако, куда сложнее, чем тогдашний. Дело не в том, чтобы мы, собираясь, называли наши встречи обязывающими совещаниями или принимали резолюции. Важен обмен

мнениями. Поговорили – и разъехались. Разрабатывать директивы, решать кому как действовать – это все ушло. Мы в КПСС твердо привержены этому выводу. Но наше время – время больших перемен. И нам нужен свой ответ на вопросы, поставленные им.

Вижу, вы сами подходите к этому. Ведь и объединенная Европа тоже предполагает обмен мнениями. Я бы неставил заслонов на пути обменов мнениями. Сопоставление опыта будет обогащать. Равным образом не хочу приглашать вас к каким-то формам объединения всех вокруг кого-то. Но я говорю о таких встречах, как наша. С иным количеством участников – и только.

Вы говорите о союзах, заботитесь о них. Это мы приветствуем. Но неужели нужно отрицать полезность обменов мнениями компартий, работающих в разных условиях. А международный аспект борьбы за мир? Неужели он не заслуживает обсуждения?

НАТТА. Тут больше роль государств. Если станем в своем государстве силой, будем участвовать в таких обсуждениях. Но встречи-совещания – это форма организации. В организационных формах работы мы участвовать не можем.

ГОРБАЧЕВ. А когда мы с вами встречались – это тоже организационная форма?

НАТТА. Нет, это не организационная форма.

ПАЙЕТТА. Вот журнал «Проблемы мира и социализма» – это организационная форма. Совещания в журнале – там кто-то дергает за ниточку. В духе Коминтерна. А вот другая форма – парламентская группа левых в Европарламенте, где председатель – член ИКП.

ГОРБАЧЕВ. Он тоже дергает за ниточку? Я бы не хотел опускаться до таких вещей. Главное – жизнь динамична, требует ответов на новые вопросы. Мы, по-моему, от встречи нашей обогатились. Неужели кто-нибудь скажет, что мы утратили свою независимость?

ПАЙЕТТА. В Европарламенте нам не удается вместе обсуждать проблемы, и голосуем не вместе. Это факт.

ГОРБАЧЕВ. Встречи для обогащения движения нужны. Ведь не должен каждый изобретать свой велосипед. Я не сторонник заявлений стратегического плана, но сторонник обмена мнениями. Главное – я вас никуда не приглашаю. Рассуждаю вслух. В повестке дня у меня приглашать вас куда-то не стоит.

НАТТА. Есть глубокая разница между нашей встречей и другими. Наша самостоятельность здесь никак не затронута. Другое дело встречи с идеей воссоздания движения.

ГОРБАЧЕВ. Да его не надо воссоздавать. Оно существует. Хотите его закрыть? Тогда что, вы претендуете на роль Папы? Мы видим свою задачу в том, чтобы сохранить это идеино-политическое движение.

Теперь вернусь к нашей беседе. Даже эта дискуссия о встречах полезна. Думаю, она не отдала нас друг от друга дальше, чем было до нашей дискуссии.

Обсуждение вопросов мировой политики показало, что у нас много общего. Ваш анализ обстановки обогатил нас, а наш будет полезен для вас.

Мы хотим развивать отношения с Итальянской компартией. Хотим, чтобы партия набирала силы. Перед всеми нами стоит задача – дать новые импульсы политике. Желаем вам хорошего съезда. Будем рады его успеху.

Когда говорили о том, как действовать в нынешней обстановке, я видел – у нас, по сути, одинаковые подходы. **Время ответственное. Важно подняться выше узких взглядов, чтобы сохранить мир. Снять опасную напряженность.** Это – и важная форма борьбы за социализм. Здесь открываются большие возможности.

Теперь пара конкретных вопросов. Первый – оценка позиции США. Расхождений у нас с вами нет, хотя вы и сказали, что у вас иная позиция. Если бы мы не надеялись на благоприятный исход дела, не выдвигали бы и свою программу действий. Смотрим в будущее с оптимизмом. Не как пацифисты, а

на основе анализа реальных процессов в мире. Считаем, что можно организовать давление и на военно-промышленный комплекс. Борьба предстоит тяжелая, но не бесперспективная. Осознание катастрофических последствий милитаризации космоса затрагивает не только трудящихся, прогрессивные силы. Широкие силы это осознают, это важно.

Теперь второе – Ближний Восток. Наши принципиальные оценки близки. Это – взрывоопасный регион. Нужна высокая ответственность, чтобы здесь не произошло непоправимого. Политическое урегулирование должно учитывать интересы всех сторон. Американцы хотят действовать обходными маневрами, тайными соглашениями, как-то «вымыть» палестинскую проблему. Но это не было бы урегулированием. Это толкало бы на экстремизм. Палестинцы – народ без родины. Он пойдет на все, не говоря уже о том, что он не согласится на гнилой компромисс. Но и интересы Израиля должны быть учтены. Без этого тоже не может быть урегулирования. Израиль подает нам сигналы.

НАТТА. Мы хотели спросить об этом.

ГОРБАЧЕВ. Они говорят о том, чтобы в процессе политического процесса урегулирования ближневосточной проблемы восстановить дипломатические отношения. Мы безусловно признаем право Израиля на существование (мы ведь участвовали в создании Израиля и тогда признали его) и свою линию не меняем. США говорят: мы не против конференции по Ближнему Востоку, но хотят сперва всем выкрутить руки, а потом с помощью СССР закрепить результаты. Это не пройдет.

Будем вести взвешенную политику, не допускать обострения обстановки. Такое обострение не было бы ни в чьих интересах. Готовы сотрудничать с итальянским правительством по этим проблемам, не говоря уже о вас, об ИКП.

Что касается Китая, мы настроены на улучшение отношений. Но для этого требуется время. Китайцы говорят: мы готовы нормализовать отношения со всеми, кроме КПСС. Опять дифференцированный подход.

Время – великое дело. Но сложа руки сидеть мы не будем. Интерес к контактам с нами есть в Пекине у многих. Есть там и разные взгляды. Но главное – процесс должен созреть.

Мы будем делать все для укрепления наших отношений. Думаю, наверное, наша встреча будет важным этапом на этом пути.

ХАТТА. Конечно, мы тоже так считаем. Мы тоже позитивно оцениваем эту дискуссию. Она многое прояснила нам. Видим, что по многим политическим вопросам можем найти точки соприкосновения.

Мы имеем общую историю. Но затем имели место расхождения, шли разными путями, даже интерпретация идеи социализма у нас была разной. Тем не менее мы готовы к дискуссиям с вами. Будем искать новые пути.